

«Как правило, человек может неожиданно пробудиться ото сна, затрагивающего какую-то глубоко укоренившуюся тревогу и страх».

Фэй Ду прошел в угол гостиной, где стояла небольшая белая доска для записей. Он купил ее для себя, никак не ожидая, что воспользуется ею всего пару раз, прежде чем вещь приберет к рукам некто по фамилии Ло. Раньше Ло Вэньчжоу был просто многословен, теперь же в разгар своей болтовни он подытоживал и записывал на доске каждый пустяк, о котором говорил. В результате его нравоучения Фэй Ду теперь не только слушал, но и лицезрел. Это было совершенно невыносимо.

Фэй Ду на миг заколебался. Памятуя о том, кто корпел над этими записями полдня, он никак не мог заставить себя их стереть. Потому он перевернул доску, взял маркер и нарисовал систему координат. Горизонтальная ось представляла собой время, а вертикальная фактор стресса.

По сравнению с недавними событиями, отдаленные воспоминания были более податливыми. Куда с большей вероятностью мозг соответствующим образом исказит их.

К тому же сильный стресс вызовет больший дискомфорт, чем какие-то пустяки, и воспоминания с еще большей вероятностью исказятся при отражении в бессознательном сне.

То, что Фэй Ду забыл открыть банку с кошачьим кормом, было незначительным событием, произошедшим с ним в тот день. Это было очень мимолетное воспоминание. Он пришел к выводу, что оно не являлось сновидением, скорее он вспомнил эту деталь в полусне. Юноша нарисовал косую черту в начале координатной плоскости.

Далее следовала ситуация «Ло Вэньчжоу рассердился, и его никак нельзя было уговорить».

Фэй Ду чувствовал, что Ло Вэньчжоу и в самом деле был той ночью немного раздражен. Однако это не было похоже на гнев. В конце концов, Фэй Ду так и не понял, сумел ли он

задобрить мужчину. Возможно, он продолжал размышлять об этом во сне, и в его сновидении эта пустячная проблема значительно раздулась, усилив его легкое беспокойство.

Фэй Ду одолевали сомнения, ведь в последнее время у него было мало поводов для беспокойства, потому значимым мог стать любой пустяк. Он склонил голову, на мгновение задумавшись, после чего провел еще одну черту вдоль оси «фактор стресса».

После этого был «искалеченный Тао Жань» и «асфиксия» - две совершенно разные вещи, смешавшиеся в одном сне.

Фэй Ду отложил маркер и, сильно нахмурившись, прошелся туда-сюда перед доской. У него никак не получалось завершить анализ.

Человеческое сознание и память скрывали чрезвычайно сложные проекции и тонкие искажения. Но кажется сознание и подсознание говорили на разных языках. Хотя Фэй Ду считал, что хорошо понимает самого себя, ему все равно было очень сложно объективно расшифровать серию снов, посетивших его в тот день. Они застряли у него посреди горла, словно рыбья кость.

Как правило, человек может неожиданно пробудиться ото сна, затрагивающего какую-то глубоко укоренившуюся тревогу и страх.

Фэй Ду хорошенько покопался в себе и пришел к выводу, что у него нет никаких тревог и уж тем более страха. Для него «страх» был подобен знаменитости на телевидении: ты знаешь этого человека и видишь каждый день на экране, но какой он в жизни и что у него за характер... судить не можешь.

Он не почувствовал никакой тревоги, услышав о том, что Тао Жаня увезли в больницу. Автокатастрофа уже произошла, и исправить ее последствия могли только врачи. Это от него никак не зависело. Фэй Ду вспомнил, что всю дорогу он обдумывал только последовательность событий того дела.

Возможно ли, что «травмы Тао Жаня» стали для него огромным источником стресса, достаточного, чтобы затронуть некое жуткое воспоминание, сокрытое в глубинах памяти?

В его сне Тао Жань, попавший в автокатастрофу, предстал с признаками асфиксии на лице. Судя по этому предположению, «лицо с признаками удушения» должно быть его воспоминанием... но где он видел его раньше?

Ло Иго сделал еще несколько попыток, но так и не преуспел в открытии злосчастного шкафа, поэтому он задрал хвост и, подбежав к Фэй Ду, принялся ластиться. Кот заискивающе потерся круглой головой о штанину мужчины, а затем похлопал его передней лапой по ноге.

Фэй Ду наклонился и поднял кота за передние лапы на уровень своего лица. Ло Иго всегда становился очень послушным, когда выпрашивал еду. Покачивая хвостом на весу, он попытался придать своей свирепой морде невинное и очаровательное выражение и тоненько жалобно мяукнул.

Фэй Ду некоторое время разглядывал кошачью морду, размышляя, что не стал бы накладывать образы задыхающихся в агонии зверьков на человеческое лицо, слишком велика разница в физиологии.

Ло Иго подумал, что у него появился шанс, и снова заискивающе мяукнул.

— Ну ж нет, — Фэй Ду бессердечно опустил Ло Иго обратно на пол и заявил: — Ло Вэньчжоу будет единственным животным, которое я не смогу поднять.

Ло Иго:

—...

От этих двуногих никакого толку!

Задумавшись на мгновение, Фэй Ду стер надписи с доски и отправил Ло Вэньчжоу сообщение: «Я схожу кое за чем домой». Затем он надел пальто и вышел.

Он решил вернуться в свой старый дом и осмотреть подвал. Здесь он провел свое беспросветное детство, бесчисленное множество раз подвергался ударам тока и воздействию лекарств и даже был свидетелем смерти собственной матери. Фэй Ду в самом деле не понимал, почему он не помнил тот эпизод, когда тайком пробрался в подвал.

У Ло Вэньчжоу не было времени взглянуть на свой телефон, в тот момент он гнался за едва мелькнувшей Ян Синь.

Добежав до двери, ведущей на лестницу, Ло Вэньчжоу столкнулся с толпой родни какого-то пациента. Должно быть, это была большая семья в полном составе, сюда пришли даже несколько стариков с клюками, которые напрочь перегородили вход на лестницу, отделяя его от Ян Синь.

Ло Вэньчжоу окинул взглядом дрожащих стариков. Ему действительно не хотелось проталкиваться сквозь толпу бабушек и дедушек, едва стоявших на ногах, однако пока он колебался, Ян Синь уже и след простыл. В порыве отчаяния Ло Вэньчжоу развернулся, распахнул окно в коридоре и под удивленный крик проходящей мимо санитарки забрался на подоконник и прыгнул с третьего этажа. Он самортизировал о слегка выступающий подоконник второго этажа и приземлился прямо на искусственный газон внизу, затем перекатился и побежал, прежде чем толпа зевак успела поднять свои телефоны.

Холл больницы был переполнен до отказа, но тем не менее в нем царил порядок. Обуреваемый убийственными намерениями Ло Вэньчжоу ворвался внутрь, распугав медицинский персонал. Навстречу ему тут же вышел охранник, но капитан сунул ему под нос свое рабочее удостоверение:

— Полиция. Вы видели девушку лет двадцати, спустившуюся по лестнице?

Прежде чем охранник успел заговорить, Ло Вэньчжоу краем глаза заметил Ян Синь, которая как раз спускалась по лестнице в другом конце коридора. Застигнутая врасплох девушка встретилась с ним взглядом, и на ее нежном личике появилось сложное выражение, похожее на невыразимую боль и гнев. Вслед за тем она решительно рванула к черному выходу.

У Ло Вэньчжоу от злости едва не повалил пар из ушей.

— Остановись сейчас же! — рявкнул он.

У задних дверей стационара пролегалась небольшая тропинка, которая вела к больничной автостоянке. Расстояние между Ло Вэньчжоу и Ян Синь неумолимо сокращалось, но как раз в тот момент со стоянки неожиданно выехал седан и покотился напрямиком на капитана. Ло Вэньчжоу присмотрелся к лицу водителя и узнал того самого фальшивого патрульного,

которого они с Фэй Ду встретили на месте преступления у Барабанной башни!

Ло Вэньчжоу от безысходности запрыгнул на капот машины и перекатился на другую сторону. К счастью, водитель не собирался его сбивать, казалось, он даже слегка улыбался за полуопущенным окном. Любезно кивнув Ло Вэньчжоу, он вдавил педаль газа в пол и в мгновение ока удалился с автостоянки. К тому времени Ян Синь уже успела запрыгнуть в другой автомобиль и исчезнуть без следа.

От столкновения с машиной бедро Ло Вэньчжоу болезненно саднило, он не удержался и выругался:

— Твою ж мать!

Фу Цзяхуэй срочно перевели в отделение неотложной помощи. Чан Нин, тем временем, очень предусмотрительно удалилась, спустившись вниз, чтобы купить всем напитки. Лу Юлян и Тао Жань молчали, оставшись ждать в гнетущем больничном коридоре. Они оба одновременно посмотрели на разъяренного Ло Вэньчжоу, когда тот вернулся весь перепачканный грязью.

Ло Вэньчжоу отошел в угол и стряхнул с себя грязь:

— Сбежали. Две машины: «Фольксваген Бора» и «Цзиньбэй(1)». Я записал номера и отправил людей на перехват.

Лу Юлян ничего не сказал, лишь запрокинул голову и тяжело прислонился к стене.

— В прошлом году, когда мы расследовали дело Фэй Биня, шинян позвала меня к ним домой и отдала завещание шифу... — после продолжительного молчания сказал Тао Жань. — Еще...еще пока я отвлекся, она положила в мою сумку подслушивающее устройство, точно такое же, как у директора Лу и Сяо У. Когда Сяо У рассказал об этом сегодня, я не... я все еще не...

Тао Жань не смог договорить. Некоторое время он смотрел пустым взглядом в землю, после чего продолжил:

— Когда я прочел завещание шифу, я ненадолго почувствовал облегчение, посчитав, что шинян не специально была холодна к нам столько лет. Она не ненавидела нас и не призывала, просто шифу велел ей отдалиться от нас.

Но сейчас становилось ясным, если бы она отдалилась, избегая проблем, то неужели они, проникательные сотрудники уголовного розыска, не смогли бы этого понять? Не будь это искренней ненавистью, то смогло бы хоть что-то помешать Ло Вэньчжоу приходить к ней в течение этих трех лет?

— Сяо У? Хочешь сказать, покушение на Инь Пина тоже дело рук тех людей? — когда гнев Ло Вэньчжоу немного поостыл, он устало присел рядом с директором Лу.

— Их целью было подставить лао Чжана? — спросил Лу Юлян.

— Да. Я подозреваю, что шинян обманули, — хрипло произнес Тао Жань. — Человек, который спланировал все это за кулисами, был тем, кто подставил Гу Чжао и убил шифу. Если Инь Пин в самом деле прикинулся Старинной Пеплом, то скорее всего у него была важная зацепка, и именно поэтому его хотели убить. А так как он не умер, его попытались использовать, чтобы снова подставить директора Чжана... Шинян и остальным было бы легко внушить, что у Инь Пина на руках нет никаких доказательств, и даже если он даст показания, то его слова ничего бы не стоили. Лучше всего использовать его как разменную монету.

Ло Вэньчжоу уперся локтями в колени и положил подбородок на ладони:

— Дядя Лу, на самом деле я пришел, чтобы расспросить вас кое о ком.

— Ты хотел расспросить меня о Фань Сьюане? — спросил Лу Юлян.

— Откуда вы узнали? — растерялся Ло Вэньчжоу.

После продолжительного молчания Лу Юлян наконец тихо произнес:

— Догадался... Ее тон и манера речи сегодня напомнили мне об этом человеке.

Ло Вэньчжоу и Тао Жань уставились на него.

— Фань Сьюань был и моим преподавателем... должно быть лао Яна он тоже обучал. — Лу Юлян ненадолго задумался, а затем продолжил, — он был в то время очень молод, всего на несколько лет старше нас, но при этом обладал невероятной харизмой. Порой, когда он смотрел на тебя, казалось, словно он видит тебя насквозь. К тому же, он был весьма одарен и эрудирован. Он написал множество статей и прекрасно преподавал... В те времена не было принято давать оценку учителям, иначе из года в год он бы был самым популярным учителем среди студентов. Академические кафедры и преподаватели по идеологии иногда просили его помочь исправить проблемных студентов и всегда получали гарантированный результат. В то время в нашем общежитии жил один парень, которого вызвали на беседу с ним. Я не знаю, о чем они поговорили, но когда тот вернулся, то горько плакал и заверял, что начнет новую жизнь.

— Гу Чжао тоже общался с ним, верно? — спросил Ло Вэньчжоу. — Я проверил его резюме. Полицейский Гу обучался в аспирантуре под его руководством.

— Да, — кивнул Лу Юлян. — Гу Чжао был ответственным парнем, он вернулся в университет не для получения ученой степени и продвижения по службе, а из-за желания учиться. Он очень старался — делал заметки по всем прочитанным книгам и никогда не отдыхал по выходным. Если он чего-то не понимал, то спрашивал до тех пор, пока не прояснял вопрос. Какое-то время, каждый раз открывая рот, он говорил только о своем учителе Фане. На свой выпускной он пригласил гостей, пришли все, в том числе и Фань Сьюань.

— А у них с Фань Сьюанем были хорошие отношения.

— Очень хорошие... — Лу Юлян мгновение колебался, прежде чем сказать, — да, очень хорошие. Гу Чжао на самом деле был не очень деятельным и общительным человеком. Он совершенно по-разному относился к друзьям и случайным знакомым. Можно сказать, что он был действительно близок с Фань Сьюанем. Но кто знал, о чем думал тот человек?

— Это он запустил первый проект «фотоальбом»? — снова спросил Ло Вэньчжоу. — Что на самом деле тогда произошло? Дядя Лу, Фань Сьюань правда умер?

Мимо торопливо прошел врач. Лу Юлян с тревогой посмотрел в конец коридора, как будто опасаясь, что оттуда придут какие-нибудь плохие новости.

— По правде говоря, позже я прочел некоторые из его опубликованных статей, в них уже были признаки экстремизма, — сказал Лу Юлян. — Тогда мы просто не обратили на это внимания. В то время психологическое профилирование только набирало обороты внутри страны. Фань Сьюань возглавил проект по созданию психологических профилей преступников, он хотел изучить старые досье, пересмотреть некоторые нераскрытые дела и отыскать новые прорывы.

Для этого он собрал несколько передовых сотрудников уголовной полиции городского бюро... Исследовательский проект был политическим заданием, не связанным с повседневной работой. Конечно, участие в нем было добровольным, но мы все записались, поскольку дело о «автомагистрали 327», фигуранта которого так и не арестовали, тоже было частью проекта. В то время со смерти Гу Чжао прошло меньше года, мы все еще не пережили эту трагедию. Я знал, что многие наши товарищи продолжали частное расследование.

— Но психологическое профилирование не может служить доказательством в суде, — сказал Ло Вэньчжоу. — Во всех нераскрытых делах в рамках проекта «Фотоальбом» на самом деле фигурировали подозрительные личности, против которых не было убедительных доказательств. Быть может, они давали показания под давлением...

— Это невозможно, — горько усмехнулся директор Лу. — Одним из обвинений, выдвинутых против Гу Чжао, было злоупотребление властью. В то время за каждый нашим шагом следили, мы поджали хвосты и не смели делать ничего недозволенного... Я сопровождал учителя Фаня во время визита по одному из его дел. Когда мы вернулись, он неожиданно сказал мне: «иногда я думаю, что не понимаю, для кого писан закон. Он ограничивает только законопослушных граждан. Это несправедливо». Тогда я подумал, что с ним что-то не так, но не придал этому особого значения... А потом все пошло наперекосяк.

— Вы имеете в виду, что подозреваемые умерли один за другим при странных обстоятельствах?
— спросил Ло Вэньчжоу.

— Да. Преступники погибали точно так же, как их жертвы в соответствующих случаях. К тому же там было много деталей, которые мы не разглашали. Поэтому проект «Фотоальбом» был срочно приостановлен, а весь причастный персонал отстранен для проверки, — сказал Лу Юлян. — Когда следователи отправились за Фань Сыюанем, он исчез. Его не было ни дома, ни в университете... нигде. В то время он находился под серьезным подозрением, но доказательств не было. В бюро долго не могли решить объявить его «пропавшим без вести» или же «сбежавшим подозреваемым». В конечном счете, принимая во внимание имидж городского бюро, его объявили просто «пропавшим без вести». Все дела в рамках проекта «Фотоальбом» были рассмотрены или опечатаны. Расследования продолжались только в частном порядке.

— Три месяца спустя его родственники получили завещание. В то же время в бюро пришла

наводка, в которой говорилось, что Фань Сьюаня видели в районе Биньхай. Тогда его побережье было еще более пустынным, чем сейчас. Мы отправились по этой наводке и почти поймали его.

— Почти?

— Во время преследования Фань Сьюань прыгнул в море, — сказал Лу Юлян. — На рифе остались пятна крови, но тело так и не нашли. Он пропал без вести, как будто бесследно исчез с лица земли, и подобные случаи больше не повторялись... Ты ведь знаешь, серийному убийце тяжело прекратить убивать. Поэтому со временем все начали считать, что он и в самом деле умер. Несколько лет спустя у его семьи возникли проблемы, связанные со сносом дома. Им пришлось потребовать признать его умершим, чтобы сохранить имущество. Для протокола Фань Сьюань официально признан «мертвым».

1. Brilliance - Jinbei Цзиньбэй (китайская автомобильная марка; Brilliance Jinbei Automobile Co., Ltd.).

<http://bllate.org/book/12932/1135235>